
Кира Си
Жёсткий бывший с того света
18+

Кира Си
Жёсткий бывший с того света

https://litres.ru/74753858
SelfPub; 2026

Аннотация

Лена привыкла быть незаметной: серые платья, тихий голос, жизнь, в которой её почти не видно. Пока в пустой квартире не появляется он — Макс, бывший, которого давно нет среди живых. Холодные руки, табак, жёсткая нежность и ночи, после которых невозможно снова притвориться мебелью.

Призрак будит в ней женщину, которую она прятала годами. Но мёртвый не умеет отпускать. Когда на работе появляется живой мужчина — тёплый, настоящий, — Макс чует чужой запах и возвращается с ревностью, от которой стынет пол в прихожей.

Граница между памятью и безумием стирается. Лена должна выбрать: остаться ночью с тем, кто уже не вернётся, или выйти на свет и наконец жить.

Тёмная история о страсти, которой не должно было случиться, и о женщине, которую эта страсть навсегда изменила.

Содержание

Глава 1. Серые будни архива 4
Глава 2. Призрак школьной юности 8
Глава 3. Желание и холод 13
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Жёсткий бывший с того света

Глава 1. Серые будни архива

Запах старой бумаги имел свой собственный, въедливый характер: смесь высохшего древесного клея, сырости и вековой пыли. Для Елены этот запах давно стал привычнее любого парфюма. Он пропитал ее пальцы, осел на ворсинках мешковатого шерстяного свитера и, казалось, даже проник под кожу, высушив все, что когда-то могло цвести.

Лене было тридцать восемь. Но когда она мельком смотрела на свое отражение в темном стекле архивного шкафа, цифра казалась пустой формальностью. Ей могло быть и сорок пять, и пятьдесят.

Она привыкла прятаться. Ее броней служили растянутые кардиганы неопределенного мышиного цвета, бесформенные юбки ниже колена и тяжелая зимняя обувь на плоском ходу, не издававшая при ходьбе ни единого звука. Волосы — когда-то густые, темно-русые — были туго стянуты на затылке в строгий, почти монашеский узел. Ни грамма косметики, ни единого украшения, кроме простых наручных часов с потертым ремешком.

Часы мерно отсчитывали секунды. Тик. Так. Тик. Так.

— Леночка, ты опись по фонду номер четыре закончила? — раздался скрипучий голос со стороны входной двери.

Лена вздрогнула, хотя знала, что Галина Ивановна, старший архивариус, зайдет ровно в четыре часа дня.

— Да, почти, — тихо ответила Лена, откашлявшись. Собственный голос показался ей чужим и хриплым — за весь день она не произнесла вслух ни слова. — Осталось подшить акты списания за девяносто первый год.

— Ну и ладно. До завтра оставь, рабочий день через полчаса кончается, — равнодушно бросила коллега, поправляя шаль, и скрылась в коридоре, даже не взглянув Лене в лицо.

В этом была вся ее жизнь: люди смотрели сквозь нее. В транспорте ей уступали место реже, чем двадцатилетним студенткам, но чаще, чем глубоким старикам — ее просто обтекали взглядом, словно пустой фонарный столб или серую стену панельного дома. Мужчины не задерживали на ней глаз. Курьеры сухо отдавали квитанции, соседи по лестничной площадке кивали на автомате.

Лена была невидимкой, призраком среди живых задолго до того, как в ее жизни появились настоящие призраки.

Она аккуратно уложила картонные папки в ровную стопку. Подушечки пальцев саднило от мелких, почти незаметных порезов сухими краями казенных листов. Лена поднесла руку к лицу и замерла, разглядывая свою ладонь. Кожа была бледной, тонкой, с проступающими синеватыми венками. Женская рука, до которой годами никто не дотрагивал-

ся. Рука, не знавшая чужого тепла.

Внутри что-то шевельнулось — глухой, застарелый укол тоски, который она обычно гасила привычной рутиной.

Она ведь помнила. Где-то глубоко, под слоями пыли и страха, еще жила память о том, что у нее есть тело. Что под бесформенной шерстью скрывается мягкая, нежная кожа, высокая грудь, которую никто никогда не целовал, и бедра, не знавшие мужских рук. В свои тридцать восемь лет Елена оставалась нетронутой. Чистой, как не исписанный лист архивного дела.

Поначалу, в двадцать с небольшим, это было строгим родительским воспитанием и стеснительностью. В двадцать пять — страхом ошибиться. В тридцать — тихим стыдом перед сверстницами, у которых уже подрастали дети. А после тридцати пяти невинность превратилась в тяжелое, позорное клеймо, о котором нельзя было признаться ни одной живой душе.

Она сама заперла себя в этот склеп. Погасила в себе любые желания, запретила мечтать, заставила поверить, что спокойная пустота лучше боли и разочарований.

Лена выключила настольную лампу. Узкий архивный зал погрузился в плотный осенний полумрак. За окном хлестал холодный ноябрьский дождь, размазывая свет уличных фонарей по мокрому асфальту.

Она накинула на плечи прямое темно-синее пальто, повязала на шею колючий платок и взяла сумочку. В кармане

пальто лежал маленький пластиковый контейнер — по дороге на работу она купила в кондитерской крошечное пирожное. Самое простое, с масляной розочкой.

Сегодня был ее день рождения. Ей исполнилось тридцать восемь.

Ни звонков, ни сообщений, кроме стандартных смс от банка и аптечной сети, телефон не принес. Впереди был путь по темным сырым улицам, скрипучий лифт старой девятиэтажки, чай с дешевым бергамотом и тишина пустой двухкомнатной квартиры, где ее никто не ждал.

Лена заперла дверь архива, повернув ключ на два оборота, и зябко поежилась от сквозняка. Она еще не знала, что этот вечер станет последним в ее спокойной, серой небытийной жизни.

Глава 2. Призрак школьной юности

Кухня встретила ее гулким тиканьем настенных часов и монотонным шумом дождя за стеклом. Лена не стала включать верхний свет — резкая белизна люминесцентной лампы лишь подчеркнула бы пустые стулья и голый обеденный стол, покрытый потертой клеенкой.

Она щелкнула чайником, достала из шкафа старую фарфоровую тарелку с отбитым краешком и выложила на нее пирожное. Масляная розочка на нем успела слегка помяться в кармане пальто, потеряв свой праздничный вид. В ящике со столовыми приборами нашлась тонкая парафиновая свечка — осколок чьего-то чужого, давно прошедшего праздника.

Чиркнула спичка. В полумраке кухни вспыхнул крошечный язычок пламени, наполнив воздух серным запахом.

Лена села за стол, обхватив плечи руками, и замерла, глядя на пляшущий огонек.

Тридцать восемь.

В этом мерцающем свете тени на стенах дрожали, и память, которую она так тщательно запечатывала годами, прорвала ветхие плотины. Тепло пламени вдруг отозвалось в теле забытым, обжигающим жаром, пахнущим не архивной пылью, а мокрым асфальтом, дождем и крепким сигаретным дымом.

Макс.

Его образ вспыхнул перед глазами так четко, будто он стоял прямо за ее спиной.

Ему было семнадцать, когда они впервые столкнулись возле старой школьной котельной. Лена тогда была образцовой девятиклассницей с тугой косой и вечно опущенным взглядом, а Макс — местным кошмаром для учителей и кумиром для дворовых мальчишек.

Он всегда пах бензином и опасностью. Его тяжелый, черный, собранный из запчастей мотоцикл ревел так, что в окнах первых этажей звенели стекла. Потертая кожаная косуха с оторванным замком, вечно сбитые костяшки пальцев, наглая полуулыбка и пронзительные, почти нечеловечески темные глаза.

Макс был стихией, разрушительной и неуправляемой. Его боялись взрослые, перед ним заискивали ровесники. Но каждый раз, когда Лена проходила мимо школьного крыльца, этот дикий зверь замирал.

Она до сих пор помнила, как дрожали ее колени от его взгляда. Макс смотрел на нее не так, как мальчишки смотрят на девчонок. В его тяжелом, немигающем взгляде не было привычной подростковой пошлости — там горело нечто древнее, голодное и темное.

Словно он видел в ней то, чего не видела она сама: женщину, созданную исключительно для него, хрупкую добычу, которую он одновременно жаждал сломать и возвести на

пьедестал.

Один день врезался в память особенно глубоко. Был май, пахло цветущей сиренью и горячим битумом. Лена шла из библиотеки, прижимая к груди тяжелые учебники, когда рев мотора заставил ее застыть на тротуаре. Черный байк вильнул и затормозил в полуметре от нее, обдав волной жара от раскаленного двигателя.

Макс заглушил мотор, снял шлем и слез, не отрывая от нее хищного, пристального взгляда. На нем была та самая кожанка, пропахшая бензином и ветром. Он подошел вплотную — высокий, широкоплечий, опасно сильный для своих семнадцати. Лена тогда вжалась спиной в кирпичную стену гаража, не смея вздохнуть.

— Боишься меня, отличница? — хрипло спросил он, нависая над ней так близко, что она чувствовала тепло его дыхания на своих губах.

Она молчала, дрожа крупной дрожью, а сердце колотилось где-то в горле.

Макс медленно протянул руку. Его пальцы — с грубой кожей и въевшимися под ногти темными следами машинного масла — коснулись ее щеки. Это было парадоксально: в его жесте было столько звериной властности, но само прикосновение оказалось почти благоговейным, осторожным, будто он трогал тончайший фарфор. Он заправил выбившуюся прядь ей за ухо, проведя костяшкой по ее пульсирующей шее. Лена тогда едва не потеряла сознание от смеси живот-

ного ужаса и неизвестного, сладкого спазма внизу живота.

— Вырастешь — моей будешь, — негромко, но с абсолютной, пугающей уверенностью сказал он. — Никому тебя не отдам, Леночка. Ни одна сука до тебя не дотронется.

Он криво усмехнулся, развернулся, оседлал свой байк и с ревом умчался, оставив ее задыхаться в клубах сизого дыма.

«Правильная девочка» Лена тогда убежала домой и долго отмывала щеку мылом, пытаясь смыть запах его кожи и стыд от собственного страха. Родители твердили: «Держись подальше от таких отбросов, они заканчивают в тюрьме или на кладбище».

Родители оказались правы.

Весть пришла четыре года спустя, когда Лене был двадцать один, и она послушно зубрила конспекты на филфаке. Ночная трасса за городом. Ливень. Слепой поворот и скорость под двести километров в час. Макс разбился насмерть, мгновенно превратившись в легенду местных подворотен. Ему навсегда остался двадцать один год.

Лена не пошла на похороны. Она не имела права — ведь формально они даже не встречались, не держались за руки, между ними не было сказано и сотни слов. Но в тот дождливый вечер, запершись в своей комнате, она рыдала так, будто из ее груди живьем вырвали кусок сердца. Вместе с его гибелью в ней словно перегорел главный предохранитель. Если мир был способен так безжалостно уничтожить эту первобытную, неукротимую силу и жизнь, то зачем было рис-

ковать?

И Лена выбрала безопасность. Выбрала медленное увядание.

Взгляд Лены вернулся к тающей свече на столе. Парафин медленно стекал по розочке, превращая ее в бесформенную массу.

— Тебе двадцать один... — прошептала она в пустую комнату. Ее голос задрожал. — А мне уже тридцать восемь, Макс. Я почти вдвое старше тебя. Старая дева из пыльного архива.

Она горько усмехнулась собственной мысли. Он бы даже не взглянул на нее сегодняшнюю — усталую, блеклую, завернутую в бесформенную колючую шерсть. Настоящий Макс принадлежал молодым, ярким и дерзким. А ей остались только холодные батареи и тиканье часов, отмеряющих приближение старости.

Свеча затрещала, вытягиваясь длинным тонким язычком. Время загадывать желание почти вышло.

Глава 3. Желание и холод

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.